

Научная статья
УДК 343.8; 342.413
doi: 10.17223/22253513/52/5

О роли конституционных норм в формировании и развитии уголовно-исполнительного права

Андрей Владимирович Уткин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, andrey.utkin13@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются существенные аспекты влияния конституционных норм на становление и развитие российского уголовно-исполнительного права. Автор показывает, что Конституция, не будучи «формальным» источником уголовно-исполнительного права, содержит целый ряд принципиальных положений, выходящих за пределы правового статуса осужденных в контексте конституционного статуса гражданина. Это относится к наименованию данной отрасли, к определению круга её источников, к соотношению уголовно-исполнительного законодательства и международных актов. В свете конституционных поправок 2020 г. аргументируется вывод о перспективах расширения участия граждан в уголовно-исполнительной политике. Опираясь на систематическое толкование Конституции в свете международных актов, автор поддерживает мнение ученых, полагающих, что закрепленная в Уголовно-исполнительном кодексе обязательность труда осужденных не противоречит ст. 37 Конституции и это необходимо закрепить в Кодексе. Кроме того, отраженное в Конституции и иных нормативных актах усиление идеологической составляющей государственной политики необходимо учесть при нормативной конкретизации цели исправления осужденных.

Ключевые слова: конституционные основы уголовно-исполнительного законодательства, Конституция РФ и уголовно-исполнительное право

Для цитирования: Уткин А.В. О роли конституционных норм в формировании и развитии уголовно-исполнительного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 67–79. doi: 10.17223/22253513/52/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/52/5

On the role of constitutional norms in the formation and development of penal enforcement law

Andrey V. Utkin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk,
Russian Federation, andrey.utkin13@gmail.com*

Abstract. The article considers various aspects of the influence of the norms of the Russian Constitution on the formation and development of penal enforcement law. The

author does not support the position that the Constitution is a direct source of law of this branch. At the same time, there are a number of manifestations of the determining role of the Constitution for penal legislation, in addition to the traditionally mentioned in the literature influence of Chapter 2 of the Constitution on the legal status of convicts. This refers to the very name of the criminal-executive law, to the definition of the range of sources of legislation, to the establishment of its correlation with universally recognised international acts. The author considers the prohibition of 'violence' contained in the Constitution and the Criminal Executive Code, which equates all violence with torture, as unrealistic and very controversial from the standpoint of international standards. A systemic interpretation of the norms of the Constitution and universally recognised international acts does not allow to regard the compulsory labour contained in the Code for the majority of prisoners sentenced to imprisonment as a violation of the constitutional prohibition of forced labour. This should be reflected in the norms of the General Part of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Taking into account the amendments to the Constitution of Russia adopted in 2020, it is advisable to adapt to modern conditions the previously successful experience of involving representatives of civil society in the implementation of penal enforcement policy.

The content of Article 9 of the Code on the concept of correction of convicted persons should also be clarified in the direction of greater compliance of its content with the traditional values of Russian society. In our opinion, it makes sense to specify it: "Correction of convicts is the formation of their readiness and ability to consciously comply with the requirements of the criminal law in the spirit of respect for man, society, the state and the basic traditional moral values of Russian society". The latter are formulated in Article 5 of the Decree of the President of the Russian Federation dated 9 November 2022. No. 809 "On Approval of the Principles of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values": life, dignity, human rights and freedoms, patriotism, citizenship, service to the Fatherland and responsibility for its fate, high moral ideals, strong family, creative labour, priority of spiritual over material, humanism, mercy, justice, collectivism, mutual assistance and mutual respect, historical memory and continuity of generations, unity of the peoples of Russia.

Keywords: constitutional bases of penal enforcement legislation, the Constitution of the Russian Federation and penal enforcement law

For citation: Utkin, A.V. (2024) On the role of constitutional norms in the formation and development of penal enforcement law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 52. pp. 67–79. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/52/5

В отечественной юриспруденции принято выделять несколько основных аспектов воздействия Конституции в качестве особого регулятора общественных отношений: 1) Конституция как политико-правовой акт отражает не только правовую, но и государственную модель страны; 2) Конституция осуществляет непосредственное регулирование особого круга отношений, ограниченного определенными пределами; 3) Конституция является «материальным» источником отраслевого регулирования, и в этом проявляется ее опосредованное воздействие [1. С. 242; 2. С. 155].

В науке уголовно-исполнительного права мнения ученых по вопросу о признании Конституции его источником разделились. Одни авторы полагают, что «Основной закон государства может и должен рассматриваться в

качестве формального источника уголовно-исполнительного права», одновременно выступая и «материальным источником данной отрасли» [3. С. 156–157; 4. С. 106; 5. С. 239].

Другие ученые, не относя Конституцию к непосредственным («формальным») источникам, считают, что провозглашенное в ней прямое действие конституционных норм, а также возможность их непосредственного применения не изменяют их юридическую природу на уголовно-исполнительную [6. С. 239]. Вместе с тем они признают значение Конституции как «материального» источника данной отрасли.

С позиций общей теории права вторая точка зрения более убедительна. К источникам права в «материальном» смысле теория права традиционно относит «все то, что имеет отношение к существованию юридической нормы с точки зрения ее причинной связи» [7. С. 156], т.е. совокупность общественных процессов, материальные и социальные условия жизни общества, определяющие содержание воли народа, следовательно, и само появление, и содержание норм права. В подобном значении к источникам права следует отнести социально-экономические и социально-политические условия общества и государственную волю, а также общие условия, параметры и задачи правотворчества, установленные в первую очередь Конституцией. При таком понимании источника права Конституция РФ, безусловно, является источником всякой отрасли права, в том числе уголовно-исполнительного [8. С. 75–76]. Но иной вывод следует при понимании термина «источник права» как внешней формы, посредством которой государственная воля становится правовым предписанием. В специально-юридическом («формальном») смысле источники права – это особая специфическая форма, в которую облакаются нормы права [9. С. 247].

Очевидно, что для признания того или иного нормативного акта источником соответствующей отрасли права в указанном выше смысле требуется во всяком случае установить, что в нем полностью или частично содержатся нормы данной отрасли. Однако норм уголовно-исполнительного права в Конституции нет. Все ее положения по их юридической природе – нормы конституционного права. Прямое действие отдельных конституционных норм (например, предусмотренное ч. 3 ст. 32 лишение избирательного права осужденных в местах лишения свободы) не меняет их правовую природу на уголовно-исполнительную.

В то же время Конституция как основополагающий документ, отражающий волю народа, не будучи «формальным» источником уголовно-исполнительного права, содержит целый ряд принципиальных положений, определяющих его формирование и развитие.

История этого вопроса берет начало с первых лет советской власти. Описывая основные проблемы становления советской пенитенциарной системы, один из первых наркомов юстиции П.И. Стучка писал: «В нашей Конституции (Конституции РСФСР 1918 г. – А.У.) была известная статья, что кто не работает, тот не ест... Естественно, что мы это правило пытались перенести в тюрьму» [10]. Позднее в ст. 4 Исправительно-трудового кодекса

РСФСР 1933 г. указывалось, что «провозглашенная Конституцией РСФСР обязанность общественно-полезного труда для всех граждан распространяется также и на лишенных свободы, способных к труду» [11].

В 1960-е гг. возведение Конституции в ранг источников исправительно-трудового права, помимо прочего, имело важное политическое значение в русле восстановления законности и ликвидации наиболее одиозных черт ГУЛАГа. Но ни общесоюзные Основы исправительно-трудового законодательства 1969 г., ни республиканские исправительно-трудовые кодексы (1970–1971 гг.) не содержали конкретных отсылок к конституциям СССР и союзных республик.

Ныне в ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ указывается, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». В Уголовно-исполнительном кодексе ссылка на Конституцию имеет место лишь применительно к соотношению уголовно-исполнительного законодательства и международных актов (ст. 3 «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты»). В части 1 данной статьи (в редакции Федерального закона № 40-ФЗ от 3 апреля 2008 г.) сказано, что «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными». Это положение носит принципиальный характер, хотя сама по себе ссылка на Конституцию в данной статье явно выходит за пределы её наименования. Более логичным было бы размещение ее с некоторыми поправками (см. далее) в ст. 2 Кодекса. Ведь значение Конституции в качестве «материального» источника уголовно-исполнительного права отнюдь не исчерпывается признанием ею авторитетных международных актов как части правовой системы Российской Федерации.

В первую очередь это относится к Главе 2 Конституции «Права и свободы человека и гражданина». Согласно ч. 2 ст. 10 УИК РФ «при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительными и иным законодательством Российской Федерации». Данное положение следует рассматривать в связи со ст. 18 Конституции, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими.

Проблемам правового положения осужденных в контексте конституционных норм посвящена обширная литература [12, 13]. Ряд норм УИК (например, ст. 77-1, 77-2, 78, 82, 99, 107) были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека.

А пресловутое решение ЕСПЧ по делу Анчугова и Гладкова об установленном в ч. 3 ст. 32 Конституции запрете осужденным к лишению свободы участвовать в выборах послужило одним из «пусковых условий» процесса, приведшего в итоге к появлению в 2020 г. в результате общероссийского голосования п. «б» ч. 5-1 ст. 125 Конституции РФ, закрепившего полномочия Конституционного Суда по разрешению вопроса о возможности исполнения в России решений межгосударственных органов и иностранных или международных судов.

Особенности отраслевого проявления конституционных принципов в уголовно-исполнительном законодательстве России стали предметом исследования Е.В. Лунгу [14], хотя по содержанию большинства из рассматриваемых ею принципов (федерализм, разделение властей, гласность, организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное взаимодействие органов и др.) они все же относятся не к рассматриваемой отрасли, а к законодательству об уголовно-исполнительной системе.

Далее проанализированы иные, не менее значимые аспекты влияния конституционных норм на уголовно-исполнительное законодательство и практику его применения.

Прежде всего это касается его названия. Само упоминание об уголовно-исполнительном законодательстве наряду с уголовным и процессуальным (п. «о» ст. 71 Конституции РФ), во-первых, поставило точку в длительной дискуссии о его месте в системе отечественного права, а во-вторых – о его наименовании [15. С. 67–71].

Легитимацию существующего названия обычно связывают со ст. 71 Конституции, которая отнесла «уголовно-исполнительное» законодательство к исключительному ведению Федерации. Но существуют и более ранние официальные документы с использованием такой терминологии, причем (в условиях Союза ССР) на общесоюзном, а не на республиканском уровне. Второй Съезд народных депутатов СССР еще в 1990 г. принял решение «ускорить принятие новых Основ уголовного судопроизводства, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [16]» Как известно, в отличие от Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик общесоюзные Основы уголовного-исполнительного законодательства не были приняты.

Позднее, уже на республиканском уровне, Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. была утверждена Концепция судебной реформы в Российской Федерации. В ней содержался раздел «Осуществление уголовно-исполнительной политики» [17].

Принятие Конституции поставило точку и в спорах об уровне источников уголовно-исполнительного законодательства. «Парад суверенитетов» в начале 90-х гг. прошлого века сказался и на некоторых проектах. Так, в конце 1990 г. коллективом под руководством проф. А.И. Зубкова был разработан проект Основ уголовного-исполнительного законодательства РСФСР, союзных и автономных республик. В Пояснительной записке к

нему, в частности, указывалось, что «с учетом отказа от жесткой централизации регулирования порядка и условий отбывания наказания, предоставления более широких права в этой сфере правового регулирования суверенным государственным образованиям в проект Основ включены лишь принципиальные, основные положения, что предполагает принятие уголовно-исполнительных кодексов не только на уровне РСФСР, но и союзными, а также автономными республиками, входящими в её состав».

Возможность частичной децентрализации правового регулирования исполнения наказаний закладывалась и в проекте Исправительно-трудового (Уголовно-исполнительного) кодекса РФ, подготовленном в 1991 г. в Томском университете коллективом ученых ряда сибирских вузов.

Подписанный 31 марта 1992 г. Федеративный договор положил конец этой дискуссии. Пунктом «о» ст. 1 данного Договора принятие уголовно-исполнительного законодательства наряду с уголовным и уголовно-процессуальным было отнесено к ведению федеральных органов государственной власти. Поскольку упомянутая выше ст. 71 Конституции отнесла их принятие к исключительной компетенции федерального законодателя, это позднее было учтено в формулировке ч. 1 ст. 2 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса и других **федеральных законов**» (здесь и далее выделено мной. — А.У.).

Правда, одновременно ч. 4 ст. 88 УИК предоставила право органам государственной власти субъектов Российской Федерации повышать размер средств, разрешенных для расходования осужденным, перевыполняющим нормы выработки или образцово выполняющим установленные задания на тяжелых работах, на работах с экстремальными условиями труда. Это позволило некоторым авторам включать (хотя бы теоретически) нормативные акты региональных органов власти в число источников уголовно-исполнительного права. Причем, по их мнению, такой вывод не противоречил ни Конституции, ни ст. 2 УИК РФ, поскольку, во-первых, это касалось не ограничения, а расширения прав осужденных, а во-вторых было предусмотрено федеральным законом [18. С. 40]. Подобные аргументы едва ли были убедительны, и в 2004 г. ч. 4 ст. 88 УИК РФ была отменена.

При разработке и принятии Кодекса был учтен подход Конституции к соотношению российского законодательства и международных актов (ч. 4 ст. 15): «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». В последние годы появились суждения, что здесь якобы установлен приоритет международных актов над законодательством России и даже над Конституцией. При этом не учитывается, что, во-первых, «система права» гораздо шире «системы законодательства».

Во-вторых, ключевое значение здесь имеет ратификация межгосударственных договоров. Именно она определяет, признавать ли тот или иной

международный акт обязательным для России полностью или частично. В необходимых случаях происходит денонсация, как это произошло в отношении ряда международных актов после выхода России из Совета Европы.

В-третьих, международные акты делятся на рекомендательные и обязательные, причем в числе последних присутствуют самоисполнимые и несамоисполнимые. Несамоисполнимые даже в виде ратифицированных Россией договоров могут быть реализованы лишь посредством национального закона либо иного нормативного правового акта. Самоисполнимые договоры в принципе не требуют (хотя и допускают) изменения или дополнения законов государства, что и отражено в ч. 2 ст. 3 УИК РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора». Причем в отличие от уголовного права можно привести конкретные ситуации в сфере уголовно-исполнительного правового регулирования. Например, при определении места отбывания лишения свободы, когда осужденный является гражданином государства, с которым у Российской Федерации имеется ратифицированный договор о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего его отбывания. На практике при наличии предусмотренных договорами оснований и условий соответствующие договоры применяются непосредственно.

Таким образом, несмотря на существование ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, никакая норма международного права непосредственно не может быть причислена к источникам уголовно-исполнительного права. Когда она включается в Кодекс, то становится частью российского уголовно-исполнительного права как результат имплементации международно-правовой нормы. Если же норма ратифицированного Россией самоисполнимого международного договора действует параллельно нормам УИК, то она остаётся нормой международного права.

В связи с этим нельзя обойти и упомянутую выше ч. 1 ст. 3 УИК РФ. По сути она воспроизводит содержание ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, одновременно ссылаясь и на международные акты.

Как следует из содержания ч. 1 ст. 3 УИК и ч. 2 ст. 21 Конституции, в них наряду с запретом пыток, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения не допускается всякое «насилие», которое в данном контексте приравнено к пытке. Между тем ни один соответствующий авторитетный международный акт, включая Конвенцию ООН против пыток 1984 г., не содержат запрета «насилия» как такового. Напротив, ст. 2 упомянутой Конвенции гласит, что не являются пыткой (т.е. не запрещены ею) «боль или страдания, причиняемые в результате законных санкций, неотделимые от этих санкций или вызываемые ими случайно» [19. С. 110].

Наказание – мера государственного принуждения (ст. 43 УК РФ). Рациональное применение мер принуждения – принцип российского уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК). Законное применение силы

(т.е. «узаконенное насилие») упоминается в ряде международных актов в числе средств обеспечения правопорядка. К примеру, в принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г. «Основных принципах применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка» [20].

Примечательно, что в ходе кодификации уголовно-исполнительного законодательства данный вопрос поначалу решался иначе. В Проекте УИК 1992 г., подготовленном по результатам работы согласительной комиссии Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР, впервые появилась специальная статья «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и международные акты (ст. 3)». В её ч. 3 говорилось, что «уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения не могут противоречить международным актам о защите от пыток и других бесчеловечных и унижающих видов обращения с осужденными». О запрете «насилия» речь не шла. Эта редакция сохранилась и в ст. 3 Проекта УИК РФ, опубликованном в 1995 г. [21].

Поправка о недопущении «насилия» была внесена в проект УИК одновременно с включением в ст. 3 ссылки на Конституцию на заключительном этапе кодификации (во втором чтении законопроекта в ноябре 1996 г.). Очевидно, что именно ч. 2 ст. 21 Конституции была её юридическим основанием.

Что же было идеологическим источником такой формулировки данной статьи Конституции, а потому и рассматриваемой статьи Кодекса? Изучение предистории принятия Конституции выявило неожиданные факты.

Не подтвердилось предположение, что существующий (по сути – идеалистический) конституционный запрет всякого «насилия» имел источником труды и выступления представителей либерально-демократического крыла. В упомянутой выше Концепции судебной реформы 1991 г., подготовленной, большей частью его представителями, предписывалось **«специально предусмотреть, как это предлагал А.Д. Сахаров, что государство гарантирует гражданам ограждение от любых форм насилия в том числе... от применения насилия в процессе судопроизводства и во время отбывания наказания, помимо предусмотренных законом оснований и принудительных процедур»**. В статье Проекта «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» подготовленном А.Д. Сахаровым еще в 1989 г., говорилось, что «никто не может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению», т.е. вопрос о запрете «насилия» как такового не затрагивался [22]. В то же время в проекте Конституции группы депутатов Верховного Совета РСФСР – членов РКРП, опубликованном в июне 1993 г., говорилось «никто не может быть подвергнут пыткам, **насилию**, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» [23]. Именно эта формулировка была заимствована впоследствии в ч. 2 ст. 21 Конституции 1993 г., а через нее – и в ст. 3 УИК РФ.

Конституционные поправки 2020 г. также, безусловно, значимы для дальнейшего развития уголовно-исполнительного права и его правоприме-

нения. В частности, конституционные нормы о поддержке институтов гражданского общества, обеспечении их участия в выработке и проведении государственной политики, развитии добровольческой (волонтерской) деятельности (пп. «е», «е.1» ст. 114) заслуживают конкретизации в нормах Уголовно-исполнительного кодекса применительно к участию гражданского общества и отдельных граждан в реализации уголовно-исполнительной политики (ст. 24 УИК РФ).

Статья 32 (ч. 1) Конституции устанавливает, что «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей». УИК РФ в принципе допускает в число участников уголовно-исполнительной деятельности отдельных граждан (ч. 2 ст. 2) УИК. Но данное положение не конкретизировано. Перспективы здесь есть при исполнении наказаний и мер, не связанных с лишением свободы, в контроле за поведением условно-досрочно освобожденных и в оказании помощи в социальной адаптации освобожденных из исправительных учреждений.

Значимость участия отдельных граждан («добровольцев», «волонтеров») признана и в ряде авторитетных международных документов. В частности, этому посвящен специальный Раздел 19 («Добровольцы») Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил), принятых в 1990 г. [20. С. 186]. Заметим в этой связи, что Конституция в ее новой редакции возлагает на правительство, помимо прочего, осуществление мер «по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности (п. «е».2 ч. 1 ст. 114).

Статья 37 Конституции РФ определяет, что «труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1). Принудительный труд запрещен (ч. 2)». В отечественном уголовно-исполнительном законодательстве труду осужденных (прежде всего в местах лишения свободы) придается значение одного из основных средств исправления, и труд обязателен для большинства находящихся в исправительных учреждениях (ст. 9, 103 УИК РФ). Тем не менее время от времени активизируются дискуссии, не противоречит ли обязательный труд осужденных ч. 2 ст. 37 Конституции. Систематическое её толкование в совокупности с рядом авторитетных международных документов (например, со ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 2 Конвенции № 29 Международной организации труда 1930 г.) приводит к однозначному выводу о правоте ученых, считающих что нет оснований для отнесения обязательного труда осужденных к принудительному. Это прямо отражено в ст. 4 Трудового кодекса РФ. Однако в нем нет норм об особенностях регулирования труда осужденных. Они содержатся в УИК РФ. Поэтому было бы вполне логичным закрепить это положение в Общей части УИК в Главе 2 «Правовое положение осужденных».

Признавая идеологическое многообразие, Конституция в 1993 г. закрепила, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13)». Данное положение в дальнейшем

подвергалось критике, причем основания для нее усматривались и усматриваются, помимо прочего, в тексте самой Конституции. Ведь её Преамбула, в сущности, не что иное, как закреплённая на конституционном уровне совокупность установок идеологического характера.

Видимо, именно опасения упреков в «идеологизации» привели авторов заключительной версии проекта Уголовно-исполнительного кодекса в 1996 г. к тому, что исправление осужденных как цель и процесс целенаправленной деятельности определяются в ст. 9 предельно абстрактно и декларативно, как формирование у осужденных «уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Не входя в обширную дискуссию об уровне и содержании цели исправления, отметим, что едва ли правильно сводить последнее лишь к мотивационной сфере личности. На наш взгляд, подобную ошибку допускают авторы, считающие, что главная задача исправительного процесса – «формирование у осужденного установок на уважительное отношение к обществу, человеку, труду, образованию, социальным нормам и правилам» [24. С. 4]. Более правильной представляется точка зрения, согласно которой исправление сочетает в себе две взаимосвязанные стороны: формирование у осужденного субъективной готовности (желания) добровольного соблюдения уголовного закона и формирование объективных свойств, качеств его личности, способствующих сознательному уголовно-законопослушному поведению» [25. С. 41]. Только в их единстве этих возможна успешная ресоциализация.

На протяжении десятилетий существования Конституции РФ и ее ст. 13 стало вполне очевидно, что идеологическая сфера деятельности государства «не терпит пустоты». Существовавшее положение во многом объективно способствовало распространению элементов деструктивной идеологии. Внесенные в 2020 г. поправки, помимо прочего, были ориентированы на усиление идеологической составляющей государственной политики. Среди закреплённых в ст. 114 Конституции полномочий Правительства – «проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей (п. “в”))».

Указ Президента России от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подчеркивает, что деструктивная идеология представляет объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации, а ее распространение влечет для общества, государства и граждан целый ряд серьезных рисков (п. 16, 17). Согласно п. 18 Указа, «в целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии реформы в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта при условии проведения широкого общественного обсуждения».

В результате появляются основания не только научной, но и широкой общественной дискуссии об актуализации содержания установленной в ст. 9 УИК РФ цели исправления осужденных. На наш взгляд, имеет смысл её уточнить: «Исправление осужденных – это формирование у них готовности и способности к сознательному соблюдению требований уголовного закона в духе уважительного отношения к человеку, обществу, государству и основных традиционных нравственных ценностей российского общества». Последние сформулированы в ст. 5 Рассматриваемого Указа Президента РФ: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Сказанное отнюдь не означает, что в итоге цель исправления осужденных «взлетит» на недостижимую высоту, предполагая формирование у каждого из них высоконравственных морально-идеологических качеств (по типу провозглашенного в 1962 г. в Программе КПСС «Морального кодекса строителя коммунизма»). Сами по себе – это не критерии «исправленности» осужденных, а векторы исправительной (воспитательной) работы. Критерием является сознательное соблюдение требований уголовного закона.

Список источников

1. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2010. 400 с.
2. Карташова И.И. Прямое действие Конституции Российской Федерации: понятие и структура // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 154–159.
3. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: современный взгляд. М. : Юриспруденция, 2017. 212 с.
4. Демидова О.В. Конституция РФ как основополагающий источник уголовно-исполнительного права // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2012. № 1. С. 103–106.
5. Уголовно-исполнительное право : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2015. 460 с.
6. Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. Учебник. Рязань : АПУ ФСИН России, 2009. 416 с.
7. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. 266 с.
8. Божьев В.П. Конституция Российской Федерации как источник уголовного и уголовно-процессуального права // Уголовное право. 1999. № 2. С. 74–77.
9. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юнити, 2004. 735 с.
10. Пролетарское государство и революция права. 1931. № 7. С. 124.
11. Собрание узаконений РСФСР. 1933. № 43. Ст. 208.
12. Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М. : Академия МВД РФ, 1992. 192 с.
13. Миняева Т.Ф. Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М., 2001. 206 с.
14. Лунгу Е.В. Отраслевое проявление конституционных принципов в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 38–45.

15. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М. : Юрид. лит., 1984. 256 с.
16. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 29. Ст. 576.
17. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. Издание Верховного Совета РСФСР. М. : Республика, 1992. 92 с.
18. Уголовно-исполнительное право России : учеб. для вузов. М. : Юристъ, 2003. 571 с.
19. Международная защита прав человека. Сборник документов. М. : Юрид. лит., 1990. 662 с.
20. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. 447 с.
21. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Законопроект // Юридический вестник. Февраль-95. № 3-4 (94-95).
22. Конституция Российской Федерации (альтернативные проекты). М., 1993. 256 с.
23. Российская газета. 1993. 24 июня.
24. Исправительное воздействие на осужденных : учеб. пособие. М. : МГЮА, 2018. 144 с.
25. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск : Изд-во ТГУ, 2018. 240 с.

References

1. Tikhomirov, Yu.A. (2010) *Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika* [Legal Regulation: Theory and Practice]. Moscow: Formula prava.
2. Kartashova, I.I. (2012) *Pryamoe deystvie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: ponyatie i struktura* [Direct effect of the Constitution of the Russian Federation: Concept and structure]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 154–159.
3. Golovastova, Yu.A. (2017) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: sovremennyy vzglyad* [Criminal-executive law as a branch of Russian law: A modern view]. Moscow: Yurisprudentsiya.
4. Demidova, O.V. (2012) *Konstitutsiya RF kak osnovopolagayushchiy istochnik ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [The Constitution of the Russian Federation as a fundamental source of criminal-executive law]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*. 1. pp. 103–106.
5. Kozachenko, I.Ya. et al. (2015) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Criminal-Executive Law]. Moscow: Yurayt.
6. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2009) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal-Executive Law of Russia. General Part]. Ryazan: APU FSIN of Russia.
7. Cross, R. (1985) *Pretsedent v angliyskom prave* [Precedent in English Law]. Translated from English by V. Aparova. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Bozhiev, V.P. (1999) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak istochnik ugolovno i ugolovno-protsessual'nogo prava* [The Constitution of the Russian Federation as a source of criminal and criminal-procedural law]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 74–77.
9. Rassolov, M.M. (ed.) (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yuniti.
10. *Proletarskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava*. (1931) 7. pp. 124.
11. RSFSR. (1933) *Sobranie uzakoneniye RSFSR* [The Code of Laws of the RSFSR]. Vol. 43. Art. 208.
12. Seliverstov, V.I. (1992) *Teoreticheskie problemy pravovogo polozheniya lits, otbyvayushchikh nakazaniya* [Theoretical problems of the legal status of persons serving sentences]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

13. Minyazeva, T.F. (2001) *Pravovoy status lichnosti osuzhdennykh v Rossiyskoy Federatsii* [Legal status of the individual convicts in the Russian Federation]. Moscow: Norma.
14. Lungu, E.V. (2023) Otrazlevoe proyavlenie konstitutsionnykh printsipov v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii [Sectoral manifestation of constitutional principles in the criminal-executive legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4(57). pp. 38–45.
15. Struchkov, N.A. (1984) *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Obshchey chasti* [Correctional labor law. Problems of the General Part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. USSR People's Deputies and the Supreme Soviet. (1990) *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. Vol. 29. Art. 576.
17. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1992) *Kontseptsiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii. Izdanie Verkhovnogo Soveta RSFSR* [The concept of judicial reform in the Russian Federation. Publication of the Supreme Soviet of the RSFSR]. Moscow: Respublika.
18. Seliverstov, V.I. (ed.) (2003) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Criminal-Executive Law of Russia]. Moscow: Yurist".
19. Melkov, G.M. (1990) *Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka* [International Protection of Human Rights]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
20. UNO. (1992) *Sbornik standartov i norm Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugovolnogo pravosudiya* [Collected United Nations standards and norms for crime prevention and criminal justice]. New York: [s.n.].
21. Russian Federation. (1995) *Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Zakonoproekt* [The criminal-executive code of the Russian Federation. Bill]. *Yuridicheskiy vestnik*. 3-4 (94-95).
22. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (al'ternativnye proekty)* [The Constitution of the Russian Federation (alternative projects)]. Moscow: [s.n.].
23. *Rossiyskaya gazeta*. (1993) 24th June.
24. Antonyan, E.A. (ed.) (2018) *Ispravitel'noe vozdeystvie na osuzhdennykh* [Correctional impact on convicts]. Moscow: Moscow State Law Academy.
25. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Уткин А.В. – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: andrey.utkin13@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Utkin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: andrey.utkin13@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024;
одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.